

Красная тряпка успеха

Общезнаменитый - 1994 - 10 - 16 11019 - с 11

Наталья ЛОГИНОВА

Геннадий ЦЫПИН

ИЕДАВНО в Москве и других российских городах прошли концерты оркестра «Виртуозы Москвы» и Владимира Спивакова. Все было как обычно — ажиотаж в преддверии выступления музыкантов, забытые автомашинами подъезды к филармоническим залам, бомонд в первых рядах партера и до отказа заполненные слушателями задние ряды кресел и амфитеатры. За исключением одной любопытной детали. По следам московских выступлений «Виртуозов» в нескольких газетах появились острокритические материалы, авторы которых наотмашь бьют и по Спивакову, и по его оркестру. Раньше, насколько мне помнится, такого не случалось. И как бы ни относиться к этому факту, он стоит того, чтобы поразмышлять о нем.

Известно, что широкая публика реагирует прежде всего на то, что играют музыканты и какие произведения ставят в свои программы. Концертный репертуар «Виртуозов» всегда выглядел в высшей степени привлекательно, поскольку ставка делалась на золотой фонд музыкальной классики, предпочтение отдавалось известным, популярным произведениям типа 40-й симфонии Моцарта, «Времен года» Вивальди, «Прощальной симфонии» Гайдна, Серенады для струнного оркестра Чайковского и т.д. Впрочем, программы «Виртуозов» все же никогда не сводились только лишь к подборкам красивых, эффектных пьес — они заключали в себе обычно какую-то идею, художественную концепцию. Я, например, до сих пор вспоминаю вечер памяти Анны Ахматовой в Большом зале консерватории, где среди прочего прозвучал «Реквием» (музыкально-драматическая композиция В. Спивакова на слова Ахматовой и музыку Баха и Шостаковича) в исполнении «Виртуозов» и Аллы Демидовой.

Репертуар репертуаром, однако причина популярности спиваковцев не только в том, что ими исполняется. Как исполняется — тоже не последнее дело. Каждый из тех, кто работает под началом Спивакова, — подлинный ас в своей профессии. Это ощущается на любой, даже непрофессиональный слух — по их безукоризненной ансамблевой сыгранности, слиянности звучаний. Когда за плечами около двадцати лет совместной работы — это что-нибудь да значит.

Сейчас «Виртуозы» базируются в Испании. Спиваков с семьей — в Париже. По европейским меркам они не так уж далеки друг от друга, расстояние не помеха для регулярных встреч и репетиций. Впрочем, когда я говорю, что Спиваков живет в Париже, — это не совсем точно. Он живет в самолете. Гастрольные поездки следуют одна за другой, расписание концертов сверстано на много месяцев вперед. Причем Спиваков предстает перед публикой и как скрипач-солист, и как дирижер, выступая со своими «Виртуозами», а также со всемирно известными коллективами — такими, как филармонические оркестры Сан-Франциско и Чикаго, Лондонский симфонический, оркестры Светланова, Мравинского. Творческий статус артиста и его место в профессиональной иерархии во всем мире определяются в первую очередь этим, а также, естественно, популярностью у публики.

Сегодня рецензентам раздолье. Когда-то наша критика жила по принципу: ничего нельзя, кроме того, что можно. Ныне можно все, даже то, чего нельзя — нельзя с точки зрения профессиональной этики, правил приличия да и просто здравого смысла. Пишущему лестно, что он, критикуя Спивакова или, скажем, Светланова, Третьякова, Плетнева, тем самым становится как бы на одну доску с ними.

Но есть и другая сторона дела, более серьезная. При всех триумфах Спивакова отношение к нему — причем со стороны серьезных, автори-

тетных музыкантов — всегда было неоднозначным. Писали, что он не столько служит публике, сколько обслуживает ее. И что нет для него ничего важнее успеха, поэтому выступления «Виртуозов» порой напоминают шоу, идут вразрез с серьезной академической традицией. Помнится, после одного концерта Спивакова видный московский музыкант сказал мне: «Его искусство, знаете ли, это легковой транспорт, для перевозки тяжелых грузов не предназначенный». Я не сразу нашелся что ответить. Упрек-то серьезный, бьющий вроде бы точно в цель. Но затем возразил: «А разве легковой транспорт, да еще высокочастотный, такая уж бесполезная вещь? Грузы ведь тоже бывают разные. И далеко не всегда их подлинная ценность находится в прямой зависимости от их тяжести». Да, Спиваков и его оркестр артистическим ригоризмом не отличаются. И традиционные нормы сценического этикета для них не догма. Был случай, когда во время одного из концертов Спиваков неожиданно покинул свое место на сцене Большого зала, спустился к слушателям и, подойдя к Майе Плисецкой, протанцевал с ней тур вальса на глазах у изумленной публики. Кто-то был в восторге, но кто-то — шокирован, посчитав, что такие номера не для храма искусств, именуемого Московской консерваторией.

Давайте вспомним, разве не позволяли себе разного рода эскапады артисты прошлого? На рубеже XIX–XX веков в Европе и России пользовался большой популярностью пианист Владимир Пахман, имевший обыкновение во время концерта останавливать свою игру и, обращаясь к залу, спрашивать: «Не правда ли, как прелестно прозвучала сейчас эта фраза? Хотите, я ее повторю?» Что не помешало ему занять видное место в ряду музыкантов-исполнителей.

Да и в том ли суть, кто и что себе «позволяет»? Как говорил классик: все жанры хороши, кроме скучных. Ну а скуки на концертах Спивакова не бывает. В этом его упрекнуть невозможно. Сегод-

ня, когда музыкальное пространство России оккупировано эстрадой, когда радио- и телеэфир захлестывают волны музыкальной пошлости, Спиваков, на мой взгляд, делает большое и нужное дело. Благодаря ему десятки тысяч людей впервые переступили пороги филармонических залов, приобщились к музыке Баха и Моцарта, Гайдна и Шуберта, Чайковского и Стравинского, Прокофьева и Шостаковича. Значит, есть что-то в его исполнительском искусстве неординарное, если народ, далекий от академической музыки, валом валит на выступления «Виртуозов». Тут же не просто мода, не каприз случая, если популярность держится на высшей отметке не год и не два, а десятилетия.

На мой взгляд, корни этой популярности достаточно глубоки и прочны. Никто из людей знающих не отказывал еще Спивакову в великолепном техницизме, в профессиональной искусности. Никто и никогда не отрицал его счастливого дара коммуникабельности, умения зажечь «вольтову дугу» между собой и публикой. Никому, даже наиболее рьяным из его оппонентов, не приходило в голову упрекнуть Спивакова в блеклости, однотонности, скудности эмоциональной палитры. Когда за плечами тысячи выступлений, сохранить свежесть чувств очень непросто, но ему это удается. Ну а что до остального... Когда-то Ромен Роллан сказал об одном из композиторов: «Он может все, что хочет, но хочет только то, что может». Прекрасный афоризм! Будто бы прямо и непосредственно адресованный Спивакову.

В заключение позволю себе обратиться к критикам. Давайте судить о творческих людях не по отдельным, единичным удачам или неудачам, а по совокупности сделанного ими в искусстве. Давайте не забывать об их вершинных достижениях — иначе может сместиться точка отсчета. И еще: давайте с уважением относиться к тем, о ком мы пишем, вне зависимости от того, по вкусу ли нам то, что они делают. Право же, это необходимое условие, если мы хотим, чтобы и нас уважали.

ОТ РЕДАКЦИИ

Все публикации, о которых идет речь в статье известного профессора-музыковеда Г. Цыпина, касались совместного выступления «Виртуозов Москвы» и немецкого баса-баритона Томаса Квастхоффа. Рецензенты «Независимой газеты», «Коммерсанта-daily» и «Московского комсомольца» почему-то связали присутствие в зале Бари Алибасова со своими питомцами и директора Тишинского рынка исключительно с «попсовостью» Спивакова и его оркестра, якобы приобщающих новорусский имущий класс к равновеликому этому классу невысокому искусству — «незатейливым танцам Шуберта» и «без блеска исполненному скрипичному концерту Вивальди». В противовес превозносилась та часть программы, в которой звучали шубертовские «Песни» и «шлягерные» кантаты Баха в исполнении певца-инвалида Квастхоффа. Некоторые огрехи в исполнении и провалы по части вкуса критики все же не могли не отметить и в певческой части концерта. Тем не менее весь обличительный пыл и весьма резкие «оргвыводы» пришили на долю «Виртуозов».